

что, несомненно, облегчает восприятие представленных в работе проблем и явлений (с. 70–76, 380).

Книга адресована прежде всего специалистам-историкам и студентам профильных вузов. Автору удалось подготовить интересное и яркое исследование, которое несомненно несёт новое историческое знание и найдёт своего заинтересованного читателя.

Примечания

¹ Бажанов Д.А. Щит Петрограда: служебные будни балтийских дредноутов в 1914–1917 гг. СПб., 2007.

² Напалков А.В. Офицерский корпус Императорского флота Балтийского моря в годы I мировой войны (август 1914 – февраль 1917 г.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. С. 15.

³ Елизаров М.А. Матросские массы в 1917–1921 гг.: от левого экстремизма к демократизму. СПб., 2004. С. 42.

⁴ Адмирал Колчак в заседании делегатов Черноморского флота // Русские ведомости. 1917. 27 апреля (10 мая).

⁵ См. также: Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001. С. 140–229.

⁶ Солнцева С.А. Без царя в голове. Социальная модернизация русской армии в период войны и революции (февраль–ноябрь 1917 г.). М., 2020.

Александр Вершинин

Новый взгляд на советскую стратегию накануне Великой Отечественной войны*

Alexandr Vershinin

(Lomonosov Moscow State University, Russia; Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow)

A new look at the Soviet strategy on the eve of the Great Patriotic War

DOI: 10.31857/S2949124X24020235, EDN: HGMCTW

Вопрос о причинах поражений Красной армии летом 1941 г. остаётся одним из ключевых в историографии и неизменно привлекает внимание как профессиональных исследователей, так и общественного мнения. Стоит признать, что историки ныне имеют гораздо более полное представление о стратегической ситуации, сложившейся накануне Великой Отечественной войны. Публикация ряда документов военного планирования обогатила представление о том, какой руководству СССР видела будущую

войну и каким образом планировало её вести. Рассекреченные материалы разведки позволили переосмыслить утверждение о внезапности германского нападения. Определённые успехи достигнуты и зарубежными историками. В целом можно утверждать, что на сегодняшний день удалось выйти из тупика понимания истоков поражений 1941 г., в который зашла советская историография в силу политических ограничений на изучение темы¹.

Вместе с тем говорить о том, что на все вопросы получены исчерпы-

* Кривопапов А.А. В тени теории глубокой операции. Подготовка Красной армии к войне на Западной границе в 1926–1941 г. М.: Яуза; Российское военно-историческое общество, 2022. 400 с.

Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00622 «Стратегическая культура великих держав в XX–XXI вв.: сравнительно-историческое исследование (на примере России и США)».

вающие ответы, не приходится. Дело здесь не только в отсутствии полного доступа к архивным документам. Подготовка СССР к большой войне на западной границе по-прежнему недостаточно вписана в общий контекст советской стратегии 1930-х гг. Собственно, сама стратегия до сих пор рассматривается преимущественно с военной точки зрения — как искусство «использования военных сил государства для достижения политических целей»². Из-за этого в тени остаётся другое её измерение — то, что с подачи Б. Лиддел Гарта принято называть большой стратегией или военной политикой, роль которой «заключается в том, чтобы координировать и направлять все ресурсы страны или группы стран на достижение политической цели войны»³. Различные интерпретации предполагают два разных, хотя и взаимодополняющих, взгляда на проблему подготовки СССР к войне. Если первый отражён в ряде работ, то второй до сих пор не устоялся.

Новая монография А.А. Кривопалова — попытка изменить это положение. Главную проблему исследования автор обозначил во введении, заочно полемизируя с А.В. Исаевым, который полагает, что основным фактором поражения РККА явилось то, что Вермахт опередил её в развёртывании. Кривопалов же ставит вопрос шире, рассуждая «о самой возможности Красной армии гибко учитывать динамику внешнеполитических событий и предпринимать в связи с ней адекватные стратегические контрмеры» (с. 8). В результате перед нами — исследование мобилизационного планирования как комплексного явления, неразрывно связанного с самой историей советского государства в рассматриваемый период.

Его основой стал богатый материал из РГВА, а фоном — обрисованная

во вводной главе картина того, как формировалась массовая армия современного типа. Избрав точкой отсчёта военное строительство Наполеона Бонапарта, автор показал, как призыв (конскрипция) трансформировался во всеобщую воинскую обязанность, дополненную механизмом накопления обученного запаса. Первую в Европе массовую армию на этой основе смогла создать Пруссия, что обеспечило её превращение в Германскую империю. В ходе войн, которые вели О. фон Бисмарк и Г. фон Мольтке, стало понятно, что механизм управления такой армией принципиально отличается от того, как полувеком ранее действовал французский император: «Теперь успех на войне зависел от чёткости мобилизации, определявшей успех первоначального стратегического сосредоточения на театре боевых действий, и победы в генеральном сражении. Планирование мобилизации и связанных с ней железнодорожных перевозок требовало высокого качества штабной работы. Один, пусть даже самый гениальный, вождь уже не мог вести армию в одиночку... В изменившихся условиях как планирование войны, так и осуществление высшего военного руководства становились коллективным делом» (с. 23). В этой связи особое внимание уделено вопросу развития такого института, как генеральный штаб, взявшего на себя роль независимого коллективного органа мобилизационного планирования, составления стратегических планов и координации действий войсковых соединений на театре военных действий (ТВД).

К 1914 г. генштабы европейских армий проделали большую работу по подготовке будущих операций в формате «увеличенной в масштабе франко-прусской войны» (с. 32). Первая мировая война продемонстрировала, что подготовка мобилизации армий вов-

лечённых в конфликт стран началась ещё до официального её объявления. Это объяснялось необходимостью успеть со стратегическим развёртыванием сил на ТВД к моменту фактического начала боевых действий. Таким образом, возникала проблема упреждения противником в развёртывании и стратегическом сосредоточении как препятствия к успешной реализации исходных оперативных планов генштабов. Русская императорская армия смогла избежать этого, однако уже первые её поражения продемонстрировали недостатки механизма боевого управления крупными войсковыми соединениями, выросшие из военных реформ 1860–1870-х гг. Соглашаясь с военным историком О.Е. Алпеевым, автор констатирует факт «неудовлетворительной работы Генерального штаба императорской России — конгломерата разрозненных нервных клеток, не ставших настоящим “мозгом армии”» (с. 58).

Кризис боевого управления усугублялся системными изъянами военной машины, прежде всего проблемой войскового резерва. Пытаясь не отстать от потенциальных противников по основным типам вооружений, Россия выбрала путь экономии на тренировке обученного запаса. На фоне общего невысокого культурного уровня населения, не позволявшего быстро пополнять армию качественным «человеческим материалом», это привело к острому кадровому голоду уже на втором году боевых действий: «Армия прирастала... не миллионами активных штыков, но лишь миллионами солдатских ртов, формально зачисленных на довольствие» (с. 67). Эта реальность создавала ряд угроз, воплотившихся в 1917 г.

Согласно гипотезе Кривопалова, три родовых порока русской военной организации — отсутствие полноценного органа долгосрочного стратегическо-

го планирования в виде независимого генерального штаба, ограниченность промышленной базы вооружённых сил, дефицит подготовленных кадров войскового резерва — не удалось преодолеть даже после краха Российской империи. Её обоснованию посвящены две следующие главы монографии.

Советское государство оказалось в трудном международном положении, не имея полноценных союзников и опасаясь потенциального нападения практически по всему контуру западной границы. Ситуация усугублялась глубокой деградацией военно-промышленного комплекса даже по сравнению с такими странами второго эшелона, как Польша и Румыния: «Экономическая архаизация Советской России, техническая немощь Красной армии в сочетании с международной изоляцией и враждебностью, питаемой к Москве большинством лимитрофов, таили в себе значительные риски» (с. 94). В попытках найти ответы на эти вызовы советское руководство решало те же проблемы, что и его предшественники в Российской империи.

В этой связи Кривопалов уделяет особое внимание фигуре М.Н. Тухачевского. Он интересуется его не столько как полководец, сколько как основоположник советского стратегического планирования. Возглавив штаб РККА в 1925 г., командарм задумал превратить его в главный центр подготовки страны к войне, обладающий широкими полномочиями по мобилизации всех необходимых для этого ресурсов. Он ориентировался на опыт германского Большого Генерального штаба, а также повторял мысли бывших императорских офицеров, доказывавших необходимость создания полноценного «мозга армии». В книге разобраны его сложные взаимоотношения с А.А. Свечиным. Автор пришёл к выводу, что в их представлениях о во-

енном строительстве больше сходства, чем разногласий (с. 146).

Логика руководства СССР, не поддержавшего идеи Тухачевского, во многом совпала с той, которой руководствовались политические элиты дореволюционного времени: нежелание допустить административную автономию военного ведомства. Как следствие, непереносимым условием эффективной работы военных по развёртыванию мобилизационного планирования являлась санкция верховной власти. С опорой на поддержку И.В. Сталина Тухачевский смог в начале 1930-х гг. выйти победителем из аппаратной борьбы и заняться перестройкой РККА. Он начал с ликвидации «узких мест», которые негативно повлияли на боеспособность императорской армии, прежде всего занявшись качественным улучшением её технической вооружённости (с. 158–160).

Однако такой подход страдал односторонностью: «Тухачевский всегда мог предложить Сталину технократические суррогаты решения практически любых проблем военного строительства» (с. 161). Это отвечало материалистическому мышлению большевиков, но создавало опасную ситуацию отрыва схем военного строительства от реалий стратегического планирования. Данное противоречие отразилось в недооценке проблемы подготовки личного состава и оптимизации боевой ценности войсковых соединений, создававшихся по мобилизации.

Автор подробно проанализировал ключевой пробел реформы — отказ от своевременного пересмотра территориально-кадрового принципа комплектования армии, введённого в середине 1920-х гг. с целью экономии ресурсов, направлявшихся на её техническое перевооружение (с. 177–191). Подобно Российской империи, «Советский Союз менее, чем какая бы то ни было европейская держа-

ва, мог позволить себе дешёвую армию мирного времени... Накопление обученного запаса и поддержание высокой боеготовности резервных компонентов требовали... как более длительных сроков, так и сравнительно большей затраты средств. Подготовить в отсталой крестьянской стране необходимое для тотальной войны количество специалистов технических родов войск и профессиональные кадры младших командиров было значительно сложнее, нежели в странах, опережающих Россию в культурно-экономическом развитии. По той же причине РККА требовалась иная пропорция командного и рядового состава. Там, где германский вермахт вполне обходился 4% офицеров, Красной армии, чтобы сохранять минимально приемлемое качество боевого управления, требовалось 10% командиров» (с. 188).

Ситуация такого дисбаланса была чревата опасными последствиями, однако в предвоенное десятилетие они едва ли осознавались в полной мере. Во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. лучшие военные умы СССР, опираясь на представления о скорой масштабной механизации армии, разработали «на вырост» теорию глубокой операции — оперативно-тактическую схему преодоления эшелонированного фронта обороны противника, в попытках прорыва которого армии стран-участниц Первой мировой войны несли огромные потери (с. 206–209, 226–229). В этой связи автор уделил внимание личности Г.С. Иссерсона — создателя ключевого для военной мысли той эпохи труда «Эволюция оперативного искусства», а также внимательного наблюдателя, оставившего важные замечания о военном строительстве в СССР накануне войны. Анализ его взглядов — вклад Кривопалова в историографию: до сих пор с личностью выдающегося теоре-

тика РККА лучше знаком западный читатель, нежели российский⁴.

Теория глубокой операции по степени систематизированности превосходила подходы к преодолению позиционного тупика, предложенные в межвоенные годы западными теоретиками: само понятие «блицкриг» являлось скорее публицистическим оборотом, чем термином военной науки⁵ (с. 222, 240). Однако эволюция оперативных взглядов значительно опережала развитие практических навыков войск. Уровень подготовки РККА, структура её соединений, технические особенности вооружения мало способствовали усвоению теории как практического руководства для командного состава. Следствием этого явилось то, что «в будущем общеевропейском конфликте слабая тактическая выучка войск, помноженная на кризис штабного управления, зародившийся в императорской русской армии задолго до революции и далеко не изжитый в советских вооружённых силах, грозили опрокинуть любые оперативные теории» (с. 224). В третьей главе автор подробно показывает, как армия на собственном тяжёлом опыте в годы Великой Отечественной войны осваивала теорию глубокой операции (с. 233–241).

Последняя глава — основная. Она посвящена анализу советских планов мобилизации и стратегического развёртывания начиная с первых разработок 1926 г. До 1936 г. в качестве основного противника на Западе рассматривалась Польша; в 1936–1939 гг. предполагалось, что поляки будут действовать при поддержке германского экспедиционного корпуса; после 1939 г. советские планы получили антигерманский характер. Показывая их развитие, автор всесторонне исследовал проблему упреждения в стратегическом развёртывании, одновременно поместив её в исторический

контекст. Значимый эпизод в этой связи — командно-штабные игры, состоявшиеся в Москве в апреле 1936 и январе 1937 г. (с. 268–286). В отличие от известных игр января 1941 г., описанных в источниках и литературе⁶, моделирование войны на западной границе, проведённое при участии Тухачевского, в историографии до сих пор отражено слабо. Критикуя с опорой на архивные документы версию, изложенную Иссерсоном, автор доказывает, что вопрос оперативной внезапности нападения руководителями игр не рассматривался.

Стороны фактически разыгрывали оперативную обстановку, схожую с той, которая сложилась в августе 1914 г. Прежде всего Генштаб РККА заботила проблема сроков стратегического развёртывания: «Даже 4-дневное отставание Красной армии от предполагаемой польско-германской коалиции в сроках мобилизации и сосредоточения считалось весьма опасным и нежелательным», так как давало противнику возможность «бить Красную армию по частям» (с. 278). Главные выводы, сделанные военно-политическим руководством, сводились к необходимости наращивания пропускной способности железных и шоссейных дорог на потенциальном ТВД. Игры 1936–1937 гг., с одной стороны, «отражали растущую уверенность советских военно-политических кругов в боевых возможностях Красной армии» (с. 290–291), но с другой — демонстрировали низкий уровень штабной работы, «слабое взаимодействие частей, соединений, родов войск и видов вооружённых сил при отработке учебных задач» (с. 278–279).

Пренебрежение командования РККА опасностью внезапного вторжения, по мнению Кривопалова, во многом являлось объективным. Достигнуть оперативной внезапности Германия смогла лишь в 1938–

1939 г., решив проблему воссоздания полноценной сухопутной армии: «Немцам пришлось в предельно сжатые сроки создавать одновременно как саму систему мобилизационного развёртывания массовой армии, так и её будущую кадровую основу... Армия, брошенная Гитлером против Польши, развёртывалась по схеме 51+51, то есть половина из имевшихся в её списочном составе 102-х дивизий постоянно находилась в штатах, максимально приближенных к нормативам военного времени» (с. 266–267). Рассмотрение специфики германского военного строительства во второй половине 1930-х гг. как фактора достижения Вермахтом стратегической внезапности в 1939 и 1941 гг. (с. 305–312) — ещё одно важное новшество, привнесённое рассматриваемым исследованием в историографию.

Начало Большого террора парализовало работу по подготовке стратегического развёртывания РККА на потенциальном ТВД. После расстрела Тухачевского оказались преданы забвению его наработки, в частности, замысел вторжения особой передовой армии на территорию противника в начальный период войны с целью срыва его мобилизации. Новый оперативный план, предложенный в марте 1938 г. начальником Генштаба Б.М. Шапошниковым, оказался «старомоден» и предполагал наличие насыщенного «разнообразными тактическими событиями» (с. 298) периода между фактическим началом мобилизации и приграничным сражением. Между тем нападение Германии на Польшу продемонстрировало, что этого периода «вползания в войну» (с. 299) может и не быть: к моменту начала боевых действий вермахт завершил сосредоточение оперативных группировок на основе боеготовых соединений мирного времени и вложил в первый же удар всю их мощь.

Комментируя этот стратегический расклад, автор обратился к последней крупной работе Иссерсона «Новые формы борьбы». Сопоставив ход гражданской войны в Испании и польскую кампанию вермахта, теоретик пришёл к выводу, что Германии удалось подготовиться к полномасштабному вторжению без проведения предварительной одноактной мобилизации, упредив поляков в развёртывании и получив двукратное преимущество по числу пехотных дивизий. «Иссерсон мысленно экстраполировал эту ситуацию на стратегическое положение Советского Союза и сделал весьма неутешительные выводы. В случае заблаговременного развёртывания немцами на советской границе стратегического фронта вторжения Красная армия, отягощённая большими сроками мобилизации и сосредоточения резервов, окажется в большой опасности» (с. 315–316).

Эти идеи не нашли поддержки у командования РККА, а самого Иссерсона арестовали за несколько дней до начала Великой Отечественной войны. Лишь в 1960 г. он смог сформулировать причины катастрофы, постигшей Красную армию. Его записка «О причинах и закономерностях военных событий июня 1941 года» Кривопаловым уже анализировалась⁷. В книге он вновь обратился к её главным заключениям. По мнению автора, ответственность Сталина как военнополитического лидера за возникший летом 1941 г. кризис стратегического планирования не подлежит сомнению. Ключевой проблемой явилась рассогласованность политического и стратегического целеполаганий на высшем уровне принятия решений: «Рассинхронизация в СССР внешней политики и стратегии имела следствием их последовательное ослепление. Сначала советская внешняя политика опасно переоценила значение Пак-

та о ненападении... В начале 1941 г. внешнеполитические шаги Советского Союза отражали неотвратимость близящегося разрыва с Германией, однако на сей раз синдромы профессиональной слепоты проявились у руководства Генштаба и Наркомата обороны» (с. 326–327).

Проблемы с координацией политики и стратегии — застарелый недуг, обусловивший ошибки верховной власти ещё до 1917 г.⁸ Сталинская система воспроизвела его в новых условиях. Однако — и тут автор соглашается с Иссерсоном — не следует забывать о просчётах, допущенных руководством вооружённых сил: «Вопреки очевидной военной опасности “мозг армии”, по сути, самоустранился от принятия стратегических решений. Его действия были в лучшем случае реактивными, в то время как группировка войск в приграничных округах была не готова к отражению удара главных сил вермахта... на важнейшем повороте истории стратегия не сумела вовремя подставить политике плечо» (с. 335–336).

В отличие от 1936 г., в 1941 г. внезапное вторжение противника обрело реальные очертания. Единственная практическая возможность парировать его заключалась в создании на западном направлении заранее развёрнутого стратегического фронта в составе десятков дивизий в штатах военного времени. У автора нет ответа на вопрос, осознавало ли в полной мере руководство Генштаба РККА положение дел, однако он резонно указывает, что любая попытка предотвратить достижение противником оперативной внезапности требовала политических решений. Это обречало военных на пассивную позицию: как показали события 1937–1938 гг., вмешательство в компетенцию верховной власти могло иметь роковые последствия. Закономерна мысль Иссерсона:

«Сталин не имел в своём распоряжении инициативного и мудрого Генерального штаба “в значительной степени по [своей] собственной вине”» (с. 369).

Свои размышления Кривопапов подкрепляет подробными отсылками к опыту других стран-участниц Второй мировой войны, демонстрируя широкую эрудицию и высокий уровень владения материалом. В некоторых случаях эти экскурсы выступают приглашением к дискуссии. Например, привлекает внимание очерк истории стратегического поведения великих держав в 1930–1940-х гг., помещённый автором во вторую главу. Реконструкция целеполагания участников антигитлеровской коалиции не вызывает возражений. Однако утверждение, что «накануне Второй мировой войны Берлин отнюдь не стремился к тому, чтобы выбить Францию из когорты великих держав, подорвать глобальное господство англичан на морях или обеспечить мировое первенство германской экономике» (с. 135), нуждается в дополнительном обосновании. Оно воспроизводит подход историков-ревизионистов (в частности, наиболее известного из них — А.Дж.П. Тейлора), который в историографии уже во многом переосмыслен⁹.

Изучение мобилизационного планирования в СССР как сложного исторического феномена, связанного с особенностями развития советского государства, существенно расширяет представления об истоках Второй мировой и Великой Отечественной войн. С этой точки зрения рассмотренная монография представляет собой важное достижение. Но она открывает и новые горизонты: советская большая стратегия остаётся многообещающим исследовательским полем и применительно к проблематике послевоенного времени. Эти сюжеты ещё ждут своего исследования.

Примечания

¹ Короленков А.В. Накануне: продолжение дискуссий о событиях предвоенной поры // Отечественная история. 2004. № 3. С. 169–176; Короленков А.В. Причины военной катастрофы 1941-го: из новейшей литературы // Российская история. 2015. № 4. С. 18–34.

² История военной стратегии России / Под ред. В.А. Золотарёва. М., 2000. С. 7.

³ Лиддел Гарт Б. Стратегия не прямых действий. СПб., 2008. С. 415.

⁴ Harrison R.W. Architect of Soviet victory in World War II: the life and theories of G.S. Isserson. Jefferson (MS), 2010.

⁵ Frieser K.-H. The Blitzkrieg legend. The 1940 campaign in the West. Annapolis (MD), 2005.

⁶ Исаев А.В. От Дубно до Ростова. М., 2004. С. 50–54.

⁷ Кривопапов А.А. Полковник Г.С. Иссерсон и его записка «О причинах и закономерностях военных событий июня 1941 года» // Российская история. 2020. № 3. С. 36–47.

⁸ Айрапетов О.Р. Забытая карьера «русского Мольтке». Н.Н. Обручев (1830–1904). СПб., 1998.

⁹ The origins of the Second World War reconsidered: A.J.P. Taylor and the historians / Ed. by G. Martel. L.; N.Y., 1999; Maiolo J. Cry havoc: how the arms race drove the world to war, 1931–1941. N.Y., 2010; Туз А. Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики. М., 2019.

Алексей Попов, Станислав Рузаев

Многоголосие «живых голосов» войны: особенности источника и возможности историков*

Alexey Popov (V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia),
Stanislav Ruzaev (Museum-Reserve of the Heroic Defense and Liberation of
Sevastopol; Sevastopol State University, Russia)

Polyphony of the «living voices» of war: features of the source and possibilities for historians

DOI: 10.31857/S2949124X24020245, EDN: HGLIPC

Изучение обороны Севастополя 1941–1942 гг., оказавшей существенное влияние на военнo-стратегическую ситуацию первого этапа Великой Отечественной войны, занимает важное место в историографии. В советский и постсоветский периоды вышли сотни книг и статей, отразивших различные аспекты героической битвы за город в чрезвычайных условиях осады: боевую службу Черноморского флота и армейских частей, деятельность гражданских органов власти и повседневную жизнь населения, предопределённость трагического финала в последние дни борьбы. Авторы этих работ опирались

на широкий круг источников, включая эго-документы — мемуары, дневники, письма, интервью.

Если говорить о мемуарной литературе, то в послевоенный период опубликованы воспоминания десятков участников второй обороны Севастополя, в том числе в виде коллективных сборников рассказов представителей конкретных родов войск и боевых подразделений¹. К 200-летию города-героя, отмечавшемуся в 1983 г., появились сборники, в которые вошли воспоминания не только военных, но и гражданских лиц². Однако все издания такого рода, выпущенные в советское время, идео-

* Исповедь непобеждённых: рассказы защитников Севастополя. 1941–1942 гг. / Отв. ред. С.В. Журавлёв; ред.-сост., коммент.: К.С. Дроздов, С.В. Журавлёв, С.П. Ким, Д.Д. Лотарева, М.Э. Морозов, В.В. Тихонов. М.; СПб.: Нестор-История, 2023. 716 с.